

ДОЛЖНОСТНЫЕ ЛИЦА
КАК СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ПЕРИОДА НЭПА

М. О. Окунева

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 15 июня 2017 г.

Аннотация: *рассматривается развитие понятия должностного лица в советском уголовном законодательстве. Исследуется период с 1921 по 1929 г.*

Ключевые слова: *уголовное право, история права, РСФСР, должностное лицо.*

Abstract: *the article discusses the development of the concept of an official in the Soviet criminal law. The period from 1921 to 1929 is investigated.*

Key words: *criminal law, legal history, RSFSR, official.*

Положения об уголовной ответственности должностных лиц были предусмотрены еще первыми декретами советской власти с первых дней ее существования. Так, уже Декрет о суде № 1 в ст. 8 предусматривал создание революционных трибуналов для борьбы в том числе со злоупотреблениями чиновников¹. Инструкция Наркомата юстиции «О революционном трибунале» от 19 декабря 1917 г. указывала, что на революционные трибуналы, в частности, ложится задача борьбы не только с саботажем служащих государственных и общественных учреждений, но и с теми, кто, «пользуясь своим общественным или административным положением, злоупотребляет властью, предоставленной им революционным народом»². Циркуляр Кассационного отдела ВЦИК от 6 октября 1918 г., обобщая социалистическое уголовное законодательство за год существования советской власти, определил преступления по должности как использование своего общественного или административного положения путем злоупотребления властью, предоставленной революционным народом³. Субъектом преступления признавались «не только лица, совершающие преступные деяния в момент исполнения ими своих служебных обязанностей, но и вообще совершающие какие-либо преступные деяния с использованием в каком-либо отношении своего положения на советской службе». Об отдельных должностных преступлениях упоминают «Положение о революционных военных трибуналах» от 20 ноября 1919 г.⁴, декрет СНК от 22 июля 1918 г. «О спекуляции»⁵, декрет СНК от 21 октября

¹ СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

² Там же. № 12. Ст. 170.

³ Там же. 1918. № 44. Ст. 533.

⁴ Там же. 1919. № 58. Ст. 549.

⁵ Там же. 1918. № 70. Ст. 759.

1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах»⁶, декрет ВЦИК и СНК от 1 июня 1921 г.⁷, специально посвященный борьбе с хищениями государственного имущества и с должностными преступлениями, способствующими этим хищениям. Понятие должностного лица впервые дается в декрете СНК от 25 апреля 1918 г. «О взяточничестве»⁸: «лица, состоящие на государственной или общественной службе в РСФСР (как-то: должностные лица Советского правительства, члены фабрично-заводских комитетов, правлений кооперативов и профессиональных союзов и т. п. учреждений и организаций)». В 1921 г. декретом СНК «О борьбе со взяточничеством» была предусмотрена уголовная ответственность лиц, состоящих на государственной, союзной или общественной службе⁹. Таким образом, к началу работы над проектом Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. в уголовном законодательстве уже было разработано определение должностного лица¹⁰. Уголовный кодекс 1922 г.¹¹ разрабатывался и принимался в условиях перехода к новой экономической политике. Нэп, с одной стороны, повлек оживление частного капитала, представители которого не могли не предпринимать попыток повлиять на советских должностных лиц в том числе незаконными способами; в свою очередь, многие должностные лица (в значительной части – вчерашние рабочие или крестьяне) были подвержены такому влиянию. С другой стороны, переход от политики военного коммунизма к мирному строительству требовал укрепления правовых основ государства. Я. Бранденбургский писал, что революционная законность «в настоящее время, когда внешняя и внутренняя контрреволюция разбита, является единственным способом дальнейшего укрепления советской власти»¹². Так, резолюция IX съезда Советов требовала, во-первых, «чтобы нарсуды республики строго следили за деятельностью частных торговцев и предпринимателей, не допуская ни малейшего стеснения их деятельности, но вместе с тем строжайше карая малейшие попытки отступления от неуклонного соблюдения законов республики»; во-вторых, «чтобы нарсуды обратили больше внимания на судебное преследование бюрократизма, волокиты, хозяйственной нераспорядительности»¹³. Н. Д. Дурманов писал, что «включение специальных статей о злоупотреблении властью, провокации взятки, о дискредитировании

⁶ СУ РСФСР. 1919. № 53. Ст. 504.

⁷ Там же. 1921. № 49. Ст. 262.

⁸ Там же. 1918. № 35. Ст. 467.

⁹ Там же. 1921. № 60. Ст. 421.

¹⁰ Подробнее об этом см.: История советского уголовного права / А. А. Герцензон [и др.]. М., 1947. С. 224–230.

¹¹ О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹² *Бранденбургский Я.* Новая экономическая политика и советская юстиция // Правда. 1922. 23 марта.

¹³ Известия ВЦИК. 1921. 30 дек.

власти и др. означало последовательное проведение в жизнь принципиального взгляда на советских должностных лиц как на слуг трудового народа, несущих суровую ответственность за нарушения служебного долга, за направление своей деятельности не в интересах советского народа»¹⁴.

Определение должностного лица было дано в примечании к ст. 105 УК РСФСР 1922 г. В нем должностными признавались лица, занимающие постоянные или временные должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющие по закону определенные права, обязанности, полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительских и других общегосударственных задач¹⁵. А. Н. Трайнин отмечал, что вторая часть примечания к ст. 105 (в которой и было дано определение должностного лица) в значительной степени неопределенная. «Дабы эта несколько расплывчатая формула не оказалась всеобъемлющей, необходимо учесть одну основную черту государственной жизни Советской Республики. <...> Вся политическая и хозяйственная система, выражается ли она в установлении государственной монополии или допущении частной торговли, одинаково проникнута одной «общегосударственной идеей» – упрочением и развитием пролетарской диктатуры в «переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6 УК)¹⁶. Широкое толкование примечания, по мысли А. Н. Трайнина, привело бы к признанию государственной службой работы «в акционерных обществах, спортивных кружках и, конечно, профессиональных и кооперативных организациях. Но круг должностных лиц в государственной системе РСФСР и без того весьма широк. И мысль законодателя не могла быть направлена к расширению его до границ почти неуловимых»¹⁷. А. Н. Трайнин пришел к выводу, что под должностными лицами в смысле примечания к ст. 105 следует понимать лишь лиц, занимающих должности в организациях и объединениях, осуществляющих общегосударственные задачи, а не просто действующих в общегосударственных интересах¹⁸. Таким образом, основным критерием признания лица должностным являлось занятие им определенной должности. Этой же точки зрения придерживался и А. А. Жижиленко¹⁹. А. Я. Эстрин, исследуя судебную практику по делам о должностных преступлениях, отмечал своеобразие

¹⁴ Дурманов Н. Д. Первый советский Уголовный кодекс (к двадцатипятилетию издания Уголовного кодекса РСФСР 1922 г.) // Советское государство и право. 1947. № 9. С. 39.

¹⁵ О введении в действие Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁶ Трайнин А. Н. О должностных преступлениях (должностное преступление, должностное лицо, соучастие частных лиц в должностных преступлениях и система должностных преступлений по Уголовному кодексу) // Право и жизнь. 1924. Кн. 9. С. 48–49.

¹⁷ Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 48–49.

¹⁸ См.: Там же. С. 49.

¹⁹ Жижиленко А. А. Должностные (служебные) преступления. М., 1923. С. 5.

«по сравнению с общепринятыми взглядами буржуазных юристов», понимание смысла понятия «должностное лицо»: Президиум Верховного Суда РСФСР счел суд вправе рассматривать лицо, вступившее с государственными или общественными учреждениями или предприятиями в договор поручения или иные близкие к нему соглашения, как должностное, когда обстоятельствами дела будет установлено, что лицо, вступившее в эти договорные отношения, фактически было снабжено административными функциями или иными функциями должностного лица или оно, на основании выданного ему мандата и т. п., действовало как должностное лицо²⁰.

В науке 1920-х гг. велись споры по поводу признания субъектами должностных преступлений работников негосударственных организаций: кооперативов²¹, акционерных обществ, предприятий с участием иностранного капитала, профсоюзов, общественных организаций²². Современный исследователь Е. В. Тарасова связывает тенденцию к расширению понятия должностного лица с формированием командно-административной системы и влиянием навязываемой официальной идеологией представления о коренном отличии советского государственного аппарата от аппарата управления буржуазного государства²³.

Уже в 1923 г. нормы Уголовного кодекса о должностных преступлениях подверглись изменению в связи с учреждением дисциплинарных судов²⁴. Д. И. Курский отмечал, что «целый ряд процессов, которые у нас прошли, сводились к тому, что мы огульно в одну кучу сажали обвиняемых и нэпманов, и специалистов, и своих товарищей – ответственных работников. Это происходило вследствие того, что формально всякий должностной проступок подходил под признаки должностного преступления»²⁵. Уголовный кодекс, по мнению Д. И. Курского, «в очень широкой степени не определял признаков, например, бесхозяйственности, бездействия власти, превышения власти и, не определяя точно этих понятий, определял репрессию. Это, может быть, и правильно для известных моментов. Когда мы вступали в безбрежное плаванье при но-

²⁰ См.: *Эстрин А. Я.* Уголовная практика Верховного Суда РСФСР за 1927 г. // Революция права. 1928. № 1. С. 128.

²¹ См., например: *Лысак Н. В.* Должностные растраты в потребительской кооперации и борьба с ними в годы нэпа // История государства и права. 2012. № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; *Его же.* Служащий потребительской кооперации как субъект должностных преступлений по УК РСФСР 1922 г. // Там же. 2013. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²² См.: *Тарасова Е. В.* Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 50.

²³ См.: Там же. С. 49–50.

²⁴ Об утверждении Положения о дисциплинарных судах : постановление ВЦИК от 7 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 54. Ст. 531.

²⁵ II сессия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета X созыва : [Стенографический отчет]. Бюллетень № 2. М., 1923. С. 57.

вой экономической политике, когда приходилось широкими мазками устраивать новые отношения и новые репрессии, мы надеялись, что пролетарский суд защитит интересы республики»²⁶. Теперь же был создан дисциплинарный суд, где была возможность «применять репрессии в ограниченном объеме, точно указанном по отношению к тем ответственным работникам, которые не совершают уголовного преступления, и, с другой стороны, должны быть поставлены на место»²⁷. Соответствующие изменения были внесены в нормы главы Уголовного кодекса о должностных преступлениях: в новой редакции ст. 105 уголовному преследованию подлежит злоупотребление властью, если оно имело своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинило ему имущественный ущерб, повлекло за собой нарушение общественного порядка или охраняемых законами прав или интересов отдельных граждан, если эти действия совершались должностным лицом систематически или из соображений корыстной или иной личной заинтересованности или имели особо тяжелые последствия или, хотя бы заведомо для должностного лица, угрожали тяжелыми последствиями. Во всех остальных случаях должностное лицо подлежало ответственности в дисциплинарном порядке. Соответствующие изменения, требующие обязательного наступления последствий, указанных в ст. 105, были внесены и в другие статьи Уголовного кодекса о должностных преступлениях²⁸. А. А. Жижиленко критерием разграничения должностных преступлений и должностных проступков считал «или объективный момент – то, что они, заключая в себе нарушение служебного долга, не сопряжены с посягательством на какое-нибудь иное правовое благо или интерес индивида или общества, или субъективный – то, что они не обнаруживают особой опасности личности их учинителя, не вытекая из антисоциальных мотивов его поведения или не свидетельствуя об укоренившейся в нем склонности к подобным правонарушениям»²⁹. Он пришел также к выводу, что «если субъектом должностного преступления может быть всякое лицо, занимающее известную должность, то субъектом дисциплинарного проступка – только то лицо, которое состоит на государственной службе, являясь служащим»³⁰. Статья 105 разграничивает преступление и проступок исключительно по последствиям незаконной деятельности должностного лица, вместе с тем указывает на необходимость учитывать, в случае наступления этих последствий, наличие умышленной вины служащего, так как добровольное его заблуждение должно устранять возможность уголовной ответственности³¹.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р. : постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. // СУ РСФСР. 1923. № 48. Ст. 479.

²⁹ Жижиленко А. А. О границе между уголовной и дисциплинарной неправдой по Уголовному кодексу 1922 г. // Право и жизнь. 1925. Кн. 1. С. 51.

³⁰ Там же. С. 53.

³¹ См.: Там же. С. 54.

Принятый в 1926 г. Уголовный кодекс³² не внес принципиальных изменений в определение должностного лица. Определение было дано в примечании 1 к ст. 109 кодекса и в целом совпадало с определением предшествующего кодекса. В примечании 2 к ст. 109 предусматривалось, что должностные лица профессиональных союзов за совершение ими служебных преступлений, если они привлечены к ответственности по постановлениям профессиональных союзов, отвечают как за должностные преступления. В нормах об отдельных должностных преступлениях главным образом были понижены санкции.

XV съезд РКП(б) (декабрь 1927 г.) в целях устранения привилегий работников государственного аппарата признал необходимым упразднить дисциплинарные суды и установить подсудность дел должностных лиц общим судам. В соответствии с решениями съезда постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 28 мая 1928 г.³³ были внесены изменения в главу о должностных преступлениях Уголовного кодекса. Вместо применения дисциплинарных взысканий было установлено преследование в уголовном порядке³⁴.

В руководящих разъяснениях Верховного Суда РСФСР отмечалось, что суды неоправданно расширяют понятие должностного лица. Так, Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда РСФСР отмечала множество случаев осуждения за дискредитирование власти наемных секретарей сельсоветов, кассиров, делопроизводителей, фельдшеров и др. Уголовно-кассационная коллегия разъясняла судам, что преследование этих лиц в уголовном порядке за дискредитирование власти не вытекает из требований ст. 109 УК «и вообще совершенно нецелесообразно». Должностными лицами, безусловно, считались лица, занимающие выборные должности в советах (председатель сельсовета и его члены), сотрудники милиции, агенты уголовного розыска, фининспектора³⁵. Однако та же Уголовно-кассационная коллегия Верховного Суда по одному из дел признала должностным лицом заведующую пошивочной мастерской при женотделе парткома, поскольку пошивочная мастерская была организована женотделом парткома, т. е. общественным учреждением³⁶. Примечание к ст. 109 Уголовного кодекса 1926 г. понималось судами как расширяющее понятие должностного лица в целях охраны интересов государства³⁷.

³² О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года : постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

³³ СУ РСФСР. 1928. № 139. Ст. 907.

³⁴ См.: Тарасова Е. В. Указ. соч. С. 54.

³⁵ См.: Циркуляр НКЮ № 237 и Верховсуда № 14 от 31 декабря 1926 г. // Судебная практика РСФСР. 1927. № 13/14. С. 28.

³⁶ См.: Сборник определений Уголовной кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР за 1924 год. М., 1925. С. 48.

³⁷ См.: Эстрин А. Я. Уголовная практика Верховсуда РСФСР за 1927 г. // Революция права. 1928. № 1. С. 128.

Президиум Верховного Суда РСФСР отмечал, что социальная опасность должностных лиц, совершивших преступление, и их социально опасные действия вытекают из того, что они находятся на соответствующей государственной или общественной работе. Поэтому в качестве меры социальной защиты необходимо в смысле обезвреживания учреждения лишить их права на известный срок занимать эти должности. Лишение же свободы в отношении этого рода преступлений надлежит применять лишь в исключительных случаях, когда подсудимые являются, по мнению суда, социально опасными и нуждающимися в изоляции от общества. Множество ошибок допускается судами вследствие слишком легкого отношения к возбуждению уголовного преследования по мелочным, формальным правонарушениям, по которым вполне достаточны меры дисциплинарного и административного воздействия. Подтверждая ранее данные по этому поводу указания, Президиум Верховного Суда еще раз подчеркивал необходимость изжития формального подхода в вопросах оценки социальной опасности действия и лиц³⁸.

Е. В. Тарасова связывает слом нэпа и ликвидацию частных предприятий с огосударствлением всех сторон жизни советского общества, созданием административно-командной системы и подчинением всех организаций государственному аппарату с последующим расширением понятия должностного лица³⁹. Данная точка зрения представляется не вполне верной. Как показывает исследованная выше судебная практика, суды далеко не во всех случаях считали служащих различных организаций подпадающими под определение должностного лица и, следовательно, субъектами должностных преступлений. Требовалось не только формальное соответствие критериям, но и целесообразность применения такого способа защиты интересов государства.

Сложившееся в законодательстве первых лет советской власти понятие должностного лица послужило основой для определения, данного в Уголовном кодексе 1922 г. и воспроизведенного в Уголовном кодексе редакции 1926 г. Несмотря на изменения, которым подвергалась глава о должностных преступлениях на протяжении всего рассматриваемого периода, определение должностного лица оставалось неизменным. Достаточно широкое (по сравнению с данным в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации) определение включало лиц, занимающих должности в организациях, осуществляющих общегосударственные задачи.

Такой подход к определению должностного лица был обусловлен проблемами, с которыми столкнулось государство при переходе к новой

³⁸ Постановление Президиума Верховного Суда РСФСР от 29 мая 1928 г. по докладу Уголовной кассационной коллегии Верховного Суда о судебной практике по делам о должностных преступлениях // Судебная практика РСФСР. 1928. № 12. С. 5–6.

³⁹ См.: Тарасова Е. В. Квалификация преступлений, совершаемых должностными лицами путем использования своего служебного положения : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1999. С. 49–52.

экономической политике. С одной стороны, требовалось укрепление законности, а с другой – известная гибкость законодательства при охране интересов общества и государства. Для достижения этих целей и было выработано рассмотренное в статье понятие.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

*Окунева М. О., аспирант кафедры истории государства и права
E-mail: m_o_okuneva@mail.ru*

Lomonosov Moscow State University

*Okuneva M. O., Post-graduate Student of the History State and Law Department
E-mail: m_o_okuneva@mail.ru*